

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Парадигма японской народности: эстетическое осмысление жизни.

Круглых Дмитрий Геннадьевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: dimaigig@yandex.ru

Эстетика определяется учёным М. С. Каганом как «философская наука, изучающая два взаимосвязанных круга явлений: сферу эстетического как специфическое проявление ценностного отношения человека к миру и сферу художественной деятельности людей.» [1] И, не смотря на то, что определение является абсолютно рабочим, когда говорится о таких понятиях как убийство или самоубийство, а тем более о попытках поиска эстетики, то возникает ряд очень важных и серьезных проблем. Например, можно ли убийство или самоубийство отнести к так называемой сфере художественной деятельности или ж найти на первый взгляд в ужасном прекрасное? Ведь, по сути, эстетика убийства преследует культуру человека с самого его начала, хотя бы вспомнить, что когда человек закладывает в фундамент своей культуры – охоту и вкладывает в него сакральный смысл, тем самым предвещая истории искусства судьбу, связывая с темой смерти. Возможно, что сама тема смерти была внесена первыми заупокойными культурами. И лейтмотивом проходит вплоть до греческой мысли. Если вспомнить «книгу мёртвых» или «эпос о Гильгамеше», но появление греческой мысли прервала связь с сакральностью, и связала смерть с проявлением человеческой трагедии, трагедии личности. И убийство явилось выходом, всплеском эмоцией, «слишком человеческим». И мысль о такой трактовке темы «человека и смерти» дошла, естественно претерпевая изменения, и подводится к некоторому финалу в европейском сознании вплоть до наших дней. Но при этом нельзя забывать и о восточном мировосприятии и естественно о концепте понятия смерти, которая включена в такого рода философию. Так же в концепции «искусства и смерти» вписывается понятия о самоубийстве. В качестве примера для анализа я хотел бы взять ритуальное самоубийство, которое совершались в средневековой Японии, то, что точно само по себе уже находится в рамках концепта, так как есть определённый ритуал. Более того, самоубийство в Японии в среде самураев не является чем-то спонтанным, а это есть часть жизни. Можно ли рассматривать самоубийство как некий итог культивирования и взращивания индивида в определённой культурной среде, если попытаться труды Катона или гораздо более позднее понимание Пуфендорфа просматривать через такую призму. И естественно прямой выход само искусство нашло в человеке. Именно поэтому надо определить сам процесс, и какие корни он имеет.

Концептуально сам обряд восходит к кодексу бусидо, который в первую очередь образовывал мировоззрения сословия воинов, сложившихся в период феодальной Японии. И, конечно же, говоря о самом понятии, надо выделить два названия: харакири (腹切) и сэппуку (切腹). Возможно, только сказать хара-окиру (腹を切る), что дословно значит резать живот, имеет более общественный характер. Но, когда речь идёт о ритуале, имеющим древние корни, то употребляется понятие сэппуку.

Сам обряд совершался не только как самоубийство, но и являлся мерой наказания. Говоря о концептуальной родословной такого самоубийства можно сказать, что она происходит не только от буддийского призрения к мирскому, но и от взаимоотношений в самурайской среде – гири.

Так же можно найти доказательства в кодексе самурая «Хагакурэ», где Ямамото Цунэтомо говорит: «Я постиг, что Путь Самурая – это смерть»[2]. Другими словами, получаем, что сам культ смерти и культивирование жизни в смерти есть не только как данность, но скорее как долг и обязательство и в первую очередь это долг – есть высшее выражения Я в контексте социального.

Итак, идеологически подготовка к смерти проходит сквозь призму трёх аспектов жизни: 1) религиозный, 2) литературный, 3) социальный. Естественно все эти три области между собой пересекаются, но выделяя их как основные лейтмотивы идеологизации смерти, можно понять структуру самого обоснования ритуала.

Вот именно эти три компонента, которые переплетались и дополняли друг друга, могли идеологически обосновать сам регламентированный ритуал.

Обычно он совершалось в торжественной обстановке и при свидетелях. Но так же мог проводиться на поле брани.

В случаях, когда обряд проводился по регламенту, он был настолько же важен, как и чайная церемония. Причём во времена, когда в первую очередь сэнсую находилось в сфере социально-сакральной, кайсяку мог выступать как и самый близкий друг, так и враг поверженного воина, показывая тем самым уважение к его чести и проявленной храбрости. Причём при самом ритуале совершающий его не должен был показывать никаких эмоций. Всё должно было происходить быстро, чётко и без лишних проявлений эмоций, но это обосновывалось как философский концепт, а сам ритуал представлял из себя эстетически чётко выверенную концепцию.

Итак, можно ли говорить о том, что такое отсутствие чувств и понимание неминуемой гибели, есть акт искусства, как творения? Естественно да, ведь такое поведение есть не что иное, как воплощение в себе некоторого образа, который был нанесён на этих людей общей идеологией, и они есть не меньший образ, чем полотна великих художников повествующих нам о смерти.

[1] Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.

[2] «Книга самурая: Юдзан Дайдодзи. Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо Хагакуре/ пер. с японского Котенко Р.В., Мищенко А.А., -СПб.: Евразия 2012» стр. 83

Литература

1. С.Ф. Зарубин, А.М. Рожецкий. Большой русско-японский словарь. 5-е изд. - М.: Живой язык
2. Каган М. С. Эстетика как философская наука. — СПб., 1997.
3. Кузнецова Т.В. Парадигма народности в эстетической теории. – 2е изд. доп. и переработ . –М.: Макс Пресс,2010
4. Рут Бенедикт «Хризантема и меч: модели японской культуры»-СПб.: «Наука» 2007 г.

5. 5 Татаркевич В. Античная эстетика. М., 1977
6. 6 Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.
7. 7 Юдзан Дайдодзи. «Книга самурая: Будосёсинсю. / пер. с японского Котенко Р.В., Мищенко А.А., -СПб.: Евразия 2012»
8. 8 Японско-русский учебный словарь иероглифов. 7-е изд., испр. Н.И Фельдман-Конрад – М.: Живой язык,
9. 9 Ямамото Цунэтомо. «Книга самурая: Хагакуре/ пер. с японского Котенко Р.В., Мищенко А.А., -СПб.: Евразия 2012»